

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2009 г., № 5*

© С.А. Арутюнов. Уникальная картина жизни айнов 150 лет назад. *Рец. на: Омская сенсация: Серия акварелей Бёзана Хирасава “Жизнь и обычаи айнов” из собрания Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.* М.: Интеррос, 2008. 92 с.

В соответствии с издательской программой “Интерроса” вышла в свет прекрасно оформленная книга “Омская сенсация”.

Графика, т.е. рисунки тушью и акварелью, и цветные гравюры были, несомненно, самой популярной и распространенной формой изобразительного искусства в Японии XVIII–XIX вв. В зависимости от техники и сюжета этот жанр подразделяется на много направлений, одним из которых, относительно редким, были “айну-э”, т.е. картинки из жизни айнов, аборигенного населения северного острова Хоккайдо, а отчасти и Сахалина и Курил, ведшего в основном еще охотничье-рыболовческий образ жизни и подвергавшегося эксплуатации и угнетению со стороны японских торговцев и чиновников. Необычный облик и первобытный образ жизни айнов интересовал и забавлял японских горожан “среднего класса”, основных потребителей графической продукции, и этот интерес удовлетворяли художники, посещавшие или даже постоянно жившие на Хоккайдо и поднаторевшие именно в жанре “айну-э”. Одним из последних и, безусловно, самым талантливым был Хирасава Бёзан (1822–1876). До наших дней дошло около 60 его произведений, среди которых выделяется серия из 12 рисунков, опубликованная в данной книге.

Эта серия из 12 акварелей была обнаружена при разборе и каталогизации обширной (свыше 3500 ед.) коллекции русской и зарубежной графики, которую ее собиратель, выдающийся геоботаник акад. Е.М. Лавренко (1900–1987) незадолго до своей кончины передал в Омский музей изобразительных искусств. Сведений о том, каким образом эти акварели попали в собственность Е.М. Лавренко, не сохранилось.

Из 92 страниц книги, имеющей формат 29×38 см, основными являются, естественно, с. 36–59, содержащие репродукции этих 12 акварелей и экспликации к ним. Акварели формата 21×32 см воспроизведены в натуральную величину, а акварели формата 24×41 см – в несколько уменьшенном виде. Остальной объем книги занимают статьи составителей экспликаций Б.А. Коникова и Г.А. Севастьяновой (Омский музей), посвященные истории находки и атрибуции рисунков Хирасава, статья проф. Огихара Синко (Университет Тиба, Япония), описывающая обстоятельства жизни и творчества Хирасава, и текст И.А. Карапетовой (РЭМ – Российский этнографический музей), содержащий подробные экспликации большого числа предметов айнской традиционной материальной культуры из обширных коллекций РЭМа. Предметы эти подобраны очень тщательно и дают читателю возможность увидеть и рассмотреть реальные аналоги практически всех предметов, изображенных на рисунках Хирасава.

Помимо публикации этих предметов, имеющей самостоятельную научную ценность, изобразительный ряд книги включает фрагменты рисунков Хирасава в увеличенном виде, что позволяет лучше разглядеть ряд существенных деталей; декоративные развороты, заполненные образцами айнского орнамента, главным образом на тканях; и, наконец, прекрасные фотографии, сделанные Б.О. Пилсудским в 1905 г., Киносита Сэйдзо в 1920 г., и более всего В.Н. Васильевым в 1912 г. Большинство этих фотографий публикуется впервые.

Воспроизведение зрительного материала выше всяких похвал. Что же касается содержательной части статей и экспликаций, то они написаны хорошим языком, информативны, находятся на высоком уровне и почти не вызывают нареканий. “Почти” – потому что некоторые недостатки все же имеются. К их числу я бы отнес непоследовательность в транскрипции японских имен. В российском японоведении существуют совершенно четкие правила транскрипции, но в книге

они иногда нарушаются – например, Шинко вместо Синко, Чиба вместо Тиба, да и само имя Бёзан правильное было бы писать как Бёдзан. Есть и опечатки: на с. 33 фабрика (промышленовоторговый пункт) названа васё, правильное было бы басё. Но это не очень существенно.

Гораздо существеннее другое. И.Б. Конинов вместе с Г.А. Севостьяновой и Огихара Синко признают, что “идея диалога цивилизаций отразилась (скорее всего, неосознанно) в работах Хирасавы” (с. 31). Но рисунки Хирасавы, с их точки зрения, прежде всего “удивительный памятник истории и культуры айнов”. “И мужчины, и женщины нарисованы не схематично, а реально, и можно сказать, с симпатией к ним” (с. 34.).

Все это верно, но недостаточно. Хирасава стремился к новаторству, к творческому поиску, и это выражалось не только в использовании импортной бумаги и красок или в работе по заказу иностранцев. Рассмотрение его картин говорит о вещах гораздо более глубоких. Время создания данных рисунков (и время наиболее активного творчества Хирасавы) – это конец 50-х – начало 60-х годов XIX в. Это время открытия Японии для иностранцев, время явного упадка сегуната Токугава, время ожидания перемен, но “революция Мэйдзи” (1868 г.) и начало крутого обновления Японии пока еще впереди. Вот идет прививка от оспы. Мероприятие вполне в духе нового времени, но надзирают за работой врачей трое торжественно застывших чиновников в строго парадных костюмах феодальной поры.

Рядом галдят, болтают, переживают айны – мужчины и женщина, взрослые и дети – наивные, простодушные дети природы, еще не оторвавшиеся от своего во многом первобытного образа жизни. Чиновники сидят на фоне ширмы, еще не изображенные от своего во многом первобытного образа жизни. Чиновники сидят на фоне ширмы, еще не изображены на ширме? А вот что: большой портовый город с элементами как японской, так и европейской застройки, некоторый вольный гибрид опознаваемых черт и Хакодатэ, и Нагасаки, а в гавани толпятся суда и японского типа и европейского, даже пароход дымит. Это яркий образ Японии середины XIX в., страны, с одной стороны, тесно сцепленной со средневековьем и даже полупервобытностью, но с другой стороны, уже повернутой к индустриально-капиталистическому будущему. И думается, что Хирасава создал этот образ отнюдь не неосознанно, а глубоко продуманно и внутренне выстраданно.

Или вот рисунок “Ожидание прибытия лодки с японцами”. Берег Хоккайдо. Группа из четырех айнов разводит сигнальный костер. Приближается лодка, гребцы-айны, пассажиры – четыре японца (два чиновника в шляпах и, видимо, двое слуг). Но у рисунка есть второй и третий план. На втором – два острова, на каждом – небольшое поселение, притом, по-видимому, не айновское, а японское. Над поселением побольше – японский синтоистский храм с парой ворот “торий”. За проливом – не менее 8 японских парусных судов. На третьем плане – вырастающий из моря идеальный конус вулкана, далее на горизонте – большая земля с почти таким же конусом. Пейзаж вымышленный, и на Хоккайдо и вблизи Хоккайдо такого пейзажа нет.

Однако остров с вулканом опознаваем. Он очень похож на о-в Атласова с вулканом Алаид в Северной Курильской гряде. И большая земля вдали вполне может быть Камчаткой. В те времена японцы так далеко не заплывали, но Хирасава мог видеть такие рисунки у своих иностранных заказчиков. И книги японских авторов, на японском языке, с компилятивным описанием Камчатки японцами, и даже с обоснованием желательности колонизации Камчатки японцами давно уже существовали и пользовались популярностью.

Так что практически можно не сомневаться, что в окружении Хирасавы в Хакодатэ тема возможного расширения японского влияния на новые “северные территории” была у многих на устах.

Хирасава Бёдзан был человек неоднозначный. Он был талантливым художником, ему порой покровительствовали влиятельные люди. В то же время он был капризен, чудаковат, любил выпить, причем иногда сверх меры. В общем, это был вполне типичный японский, в значительной мере деклассированный интеллигент, каких в предмэйдзийской Японии середины XIX в., в обществе на грани кризиса и всесторонней ломки, было очень и очень немало. Пил он, как и многие другие люди его круга, наверное, не от хорошей жизни. Когда он не пил, он творил и думал. Что именно он думал, можно угадать, лишь вновь и вновь разглядывая вещи, которые он творил. К счастью, благодаря рецензируемой публикации, теперь у нас есть возможность это сделать.